

Стефано Гардзонио

КУРЦИО МАЛАПАРТЕ КАК ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ

Автор рассматривает творчество известного итальянского писателя Курцио Малапарте (1898—1957) и, в частности, его репортажи военкора на восточном фронте во время второй мировой войны. На основе его книги «Волга рождается в Европе» и других работ в статье выявляется особая точка зрения писателя на СССР, советский народ и советского солдата на фоне трагических дней блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: русско-итальянские культурные связи, военная литература, итальянская литература

В данной статье я бы хотел привести некоторые сведения о деятельности известного итальянского писателя Курцио Малапарте (настоящее имя Kurt Erich Suckert, 1898—1957) как военный корреспондент на фронтах второй мировой войны и, в частности, во время ленинградской блокады.

Для начала стоит сказать несколько слов о связях писателя с Россией и русской культурой и о его интересе к русской тематике. Если не учитывать фантастических сплетен о том, что отцом Малапарте был русский скульптор Паоло (Павел Петрович) Трубецкой, то первый документированный контакт Малапарте с Россией и русским языком относится к 1915 г., когда будущий писатель добровольцем воевал на французском фронте. Там он познакомился с «сыном Максима Горького». Малапарте называет его «Алексеем». Однако, скорее всего он имел в виду усыновленного А.М.Горьким Зиновия Алексеевича Пешкова (1884—1966), который сражался в рядах Иностранного легиона во время Первой мировой войны. Именно от него Малапарте получил, по его собственному утверждению, первые навыки русского языка и мог познакомиться с русским миром.

В 1919—1920 гг. молодой писатель находился при итальянской дипмиссии в Польше: позднее он рассказывал, что присутствовал при взятии Киева поляками. Он точно пережил осаду Варшавы Красной Армией. В своей первой книге «Да здравствует Капоретто» (позже вышедшей под названием «Восстание проклятых святых») Малапарте проводит параллель между событиями Красного Октября и трагическим отступлением итальянской армии в Капоретто в конце 1917-го. Интерес к концепции советского «человека-массы» и поэтике Пролеткульта можно ловить в манифесте им созданной литературной группы «Океанизм» в 1921 году. Малапарте видит в фатализме масс русских солдат, в полном отречении их от «утилитаризма», принцип для коллективного перерождения во имени славянского Христа (напомню, что в 1920 г. вышли два перевода поэмы «Двенадцати» А.Блока на итальянском языке [1, 2]¹).

В том же году в журнале *La Ronda* вышла его рецензия на итальянский перевод мемуаров Максима Горького о Л.Н.Толстом (*Ricordi su Leone Tolstoj*).² Будучи редактором журнала '900 (директором был известный писатель М. Бонтемпелли), в начале 1927 г. Малапарте пригласил И.Эренбурга сотрудничать в издании и опубликовал его рассказ *Le Café Florian*, что, по некоторым данным, привело к закрытию журнала фашистскими властями, так как в своем рассказе советский писатель высказывался с иронией о черных рубашках [4, с. 280]³.

О возможных контактах писателя с русскими эмигрантами или визитерами Италии известно мало. Его друг, главный редактор популярной газеты *Corriere della Sera*, Альдо Борелли, помогавший Малапарте в контактах с Б.Муссолини, был женат на русской балерине Е.Борисенко (псевд. «Я Русская», 1902—1970) [6]. Кроме того, в 1928 г. Малапарте написал пьесу *La Coscienza dei morti* («Совесь усопших», текст, к сожалению, утрачен) для русской актрисы Татьяны Павловой⁴.

Из романа американского писателя Перси Уиннера под названием «Дарио» [8], главный герой которого, Дарио Дувеликий (Duevolti), и есть Малапарте — мы узнаем, что этот приспособленец Дарио-Малапарте в 1926 г. общался с представителем ТАСС, журналистом и дипломатом К.А.Уманским (действительно сотрудником агентства в 1922—1931 гг.⁵). Именно Уманский пропагандировал за границей «Роковые яйца» М.Булгакова и мог, — как, кстати, и друг Булгакова, представитель ФИАТа в СССР, итальянский инженер А.Пиччин, — связать Малапарте с автором «Мастера и Маргариты» (так не без основания предполагает в ее работе, посвященной Малапарте в России, К.М.Джакоббе [9]).

В первый раз Малапарте посетил СССР (Москва и Ленинград) в мае 1929 г. как корреспондент

¹ В 1920 г. были опубликованы также фрагменты из поэмы в переводах Э. Ло Гатто и М.Первухина.

² Рецензия вышла в ж. *La Ronda*. Именно на страницах этого журнала было объявлен проект создания Studio Russo в Италии по модели существующего тогда в России Studio Italiano [3].

³ Рассказ Эренбурга впервые издан в [5].

⁴ Татьяна Павловна Павлова (настоящая фамилия: Зейтман; 1890—1975) — русская и итальянская актриса, театральная и оперный режиссер, педагог. О ней см. [7].

⁵ Константин Александрович Уманский (1902—1945) — советский дипломат и журналист. Погиб в Мексике на авиакатастрофе.

туринской газеты *La Stampa*. В Москве Малапарте смог познакомиться со многими деятелями советской власти (среди них А.Луначарский) и культуры (среди них В.В.Маяковский, М.А.Булгаков и Д.Бедный). Эта поездка дала ему много материала как журналисту. Десять статей появились на страницах газеты *La Stampa*, где он был редактором, часть из них перепечатывались в неаполитанской газете *Il Mattino*. Вышел также обзор советской литературы в журнале *La Fiera Letteraria*. Статьи из газеты *La Stampa* собраны в книгу *Intelligenza di Lenin* («Осмысление Ленина»), которая вышла в Милане в 1930 г. В том же году Малапарте написал предисловие к книге «Лицо большевизма» австрийско-американского писателя, специалиста в области русской литературы Р. Фюлоп-Миллера. В нем он поднимает вопрос о России и Европе, который станет центральным во всех его работах, в частности, в посвященной Ленину книге *Le bonhomme Lénine* (книга «Ленин добряк» вышла в Париже на французском языке в 1932 г.). На основе впечатлений от этой первой поездки Малапарте напишет уже в конце 1940-х гг. роман «Бал в Кремле».

С замыслом исторической хроники, осуществленным уже после второй мировой войны в «Бале в Кремле», тесно связан рассказ *Donna rossa* (Красная женщина), напечатанный в 1930 г. в газете *La Stampa*. и потом в сборнике рассказов *Sodoma e Gomorra* (1931). И разумеется, в ряду «русской темы» стоит знаменитый трактат «Техника государственного переворота» (1931). В нем Малапарте сочетал свои впечатления от дипломатической работы в Польше в 1919—1920 гг., опыт увлечения фашистской идеологией и, наконец, сведения об Октябрьской революции и борьбе руководства коммунистической партии с оппозицией. Еще он написал о СССР несколько статей для журнала *Prospettive* в 1939, 1942 и 1952 гг.

Вторым посещением СССР может считаться пребывание в качестве военного корреспондента на немецком Восточном фронте Второй мировой войны: статьи Малапарте для газеты *Corriere della Sera* лежат в основе книги-репортажа «Волга рождается в Европе» (1943).

Наконец, уже посмертно вышла книга «Я в России и в Китае» (1958), куда включены статьи-корреспонденции о третьей и последней поездке писателя в Россию в 1956 г. Статьи предварительно выходили в журнале *Vie Nuove*. В 1956 г. несколько статей появилось и на страницах журнала *Tempo*. Среди них — о встрече со Сталиным в 1929-м, где советский вождь показан с явной симпатией (высказывалось мнение, что отрывок о встрече со Сталиным Малапарте не включил в цикл статей 1929 года, чтобы не раздражать Муссолини).

Итак, в 1943 г. Малапарте выпустил книгу военных корреспонденций «Волга рождается в Европе». Об этой книге и, в частности, о восприятии Малапарте блокады Ленинграда хотелось тут привести некоторые дополнительные материалы и размышления.

Книга разделена на две части: первая, под названием «Война и забастовка», посвящена военным действиям на Украине, от Прута до Днестра, вторая часть, под названием «Рабочая крепость», блокаде Ленинграда.

Именно во время первого репортажа, в одной украинской деревне, писатель начал свой знаменитый роман «Капут». Так он вспоминает в предисловии к роману:

«Рукопись романа “Капут” имеет свою историю, и мне кажется, что эта история будет здесь уместнее любого предисловия.

Роман я начал писать в украинском селе Песчанка, в крестьянском доме Романа Сучени летом 1941 года, в самом начале войны Германии с Россией. По утрам я садился в огороде под акацией и принимался за работу, в то время как хозяин прямо на земле возле хлева точил косу или крошил свеклу и траву на корм своим свиньям.

Крестьянская хата под соломенной крышей, сделанная из глины с добавлением соломенной сечки, замешанной на коровьем помете, представляла собой небольшое чистенькое строение, в котором не было ничего ценного, кроме радиоприемника, граммофона и скромной библиотеки с полным собранием сочинений Пушкина и Гоголя. Это был дом потомственного крестьянина, “мужика”, которого три пятилетки и коллективное хозяйствование освободили от нищеты и бесправного и убогого прозябания. Сын Романа Сучени, коммунист, до войны работал механиком в колхозе имени Ворошилова, вместе с отступающей советской армией он покинул село на своем тракторе; в этом же колхозе работала и его жена, достойная молчаливая женщина. Завершив дела в поле и огороде, она садилась под деревом с “Евгением Онегиным” Пушкина, изданным в Харькове к столетию смерти великого поэта <...> Я снова принялся за роман в 1942-м в Польше, потом продолжил работу уже на Смоленском фронте. А закончил книгу, за исключением последней главы, в Финляндии, где пробыл два года. Перед возвращением в Италию я разделил рукопись на три части» [10, с. 5-6].

Между двумя репортажами, на южном фронте и под Ленинградом, Малапарте вернулся на некоторое время в Италию. Он сам так пишет:

«В конце сентября 1941 года я вернулся в Италию (понес наказание в виде четырех месяцев принудительного заключения, наложенного на меня по требованию немцев из-за “неуместного характера” моих военных репортажей), а потом направился на северный фронт; через Польшу, Литву, Латвию и Эстонию я попал в Финляндию, в траншеи под Ленинградом» [11, с. 97].

Как уже случилось с первой частью книги, тоже на страницах, посвященных блокаде, Малапарте рисует хоть и противоречивый, но положительный портрет советского воина. Именно данное обстоятельство не нравилось немецкому командованию и, в частности, вызвало неприяельское отношение к нему генерального

губернатора Варшавы во время немецкой оккупации Г.-М.Франка.

Итальянский писатель замечает, что «благодаря индустриализации или, правильнее, механизации сельского хозяйства исчез прежний “мужик”». Будучи на финских позициях на Карельском перешейке, он имел возможность получить самые свежие сведения о блокаде и о самом явлении утверждает:

«Из моих наблюдений и моих мыслей о Ленинграде читатели узнают, что опыт “рабочей крепости” на Неве, самого большого рабочего города Советского Союза и одного из самых больших городов мира, предвещал и подготавливал событие Сталинграда, большой “рабочей крепости” на Волге. В этой безжалостной трагедии культуры Европы у сознания, пожалуй, не должно было быть никакой другой задачи, кроме как помочь предупредить возможные неожиданности войны, которая так богата неожиданностями, как никакая другая. В том, что я испытал, Ленинград предупреждает ужасную “неожиданность” Сталинграда» [11, с. 98].

Малапарте прибыл в Хельсинки и оттуда скоро переехал на передовую линию. Маршрут писателя был следующим: из Хельсинки в Виипури, и из Виипури через поле сражения у Суммы, через Териоки и Маинилу до передового дозора у Александровки. Под Александровкой, очевидно, имеется в виду поселок Александровская, теперь внутригородское муниципальное образование в составе Пушкинского района города федерального значения Санкт-Петербурга⁶. И в самом деле в годы Великой Отечественной войны Александровская располагалась близ линии фронта, а в некоторое время фронт проходил именно по территории посёлка. Далее идет описание осажденного Ленинграда, которое писатель разглядывает из немецких траншей в Белоострове. Это уже апрель-месяц и Малапарте еще больше приближается к городу к передовому посту, который лежит перед Александровской.

Рядом с описанием боев и зарисовками советских пленных и дезертиров, Малапарте размышляет о военной тактике и стратегии двух противопоставленных армий. Данный интерес не должен удивлять, так как писатель был хорошо осведомлен с основами военного искусства и об этом уже писал на материале первой мировой войны и разных революционных переворотов. В данной книге мы находим данное осмысление военных действий:

«Потому что защита Ленинграда, столицы коммунистической революции, доверена тем же элементам, которые были главными силами октябрьского восстания. Оборонительная тактика военного и политического руководства Ленинграда во многих отношениях и в ее основных чертах такая же, что и тактика революционного комитета в 1917 году против казаков *Дикой дивизии*, и позже против *белых* генерала Юденича. Нерв защиты Ленинграда, сегодня, как и тогда, это рабочие-металлисты и матросы Балтийского флота. Прошлым летом я на стене в зале собрания Дома советов в Сороке на Днестре, наряду с обычными географическими картами СССР, обычной цветной печатью аграрной и промышленной пропаганды, наряду с привычными плакатами Осоавиахима (пропагандистской организации для защиты от химической и воздушной войны), наряду с неизбежными портретами Ленина, Сталина, Ворошилова и Буденного, нашел карту октябрьского восстания с нанесенной на нее боевой обстановкой, т.е. план Ленинграда, на котором вся диспозиция восстания (распределение командных пунктов, штурмовых подразделений, рабочих бригад и т.д.) была во всех подробностях изображена красным карандашом» [11, с. 117].

Далее Малапарте подчеркивает «политическую и не военную природу» ведения действий со стороны советского командования. Он определяет его как «коммунистическая стратегия» и высказывает следующие идеи:

А) карта октябрьского восстания могла бы также еще сегодня хорошо послужить для объяснения основных точек обороны Ленинграда;

Б) если <...> бы охарактеризовать политическое и военное положение Ленинграда одной непосредственной картиной, я должен был бы только напомнить о том плакате, который всегда должен будет считаться особенно типичным для иконографии коммунистической революции. На фоне дымящихся фабричных дымовых труб представлены кронштадтский матрос и путиловский рабочий, оба с винтовками и в боевой позиции;

В) ... невозможность получать подкрепления, вместе с характером Ленинграда как рабочего города и с его особым политическим значением, побудила советское командование применять типично коммунистическую тактику штурмовых бригад рабочих и матросов для его защиты;

Г) слабые места — это происхождение, политическая структура и политический фанатизм в связи с особенностями осадной войны. Следует подумать, прежде всего, о чувствительных потерях, не столько из-за боев, сколько из-за голода, лишений и эпидемий — только от сыпного тифа в Ленинграде ежедневно погибает примерно две тысячи человек — которые прореживают ряды этих заводских коллективов;

Д) чтобы ограничить до минимума это ежедневное сокращение числа лучших элементов, советское командование пытается по мере возможности беречь рабочие бригады. До сих пор рабочие штурмовые бригады применялись, насколько видно, лишь на фронте у Ораниенбаума, на участке Шлиссельбурга и на участке Царского Села. На поле сражения рабочие батальоны снова доказали мужество и бесспорный технический потенциал.

Интересно также отметить следующее высказывание:

⁶ Тут речь не может идти о д. Хатялахти, которая стала официально Александровкой лишь в 1948 г.

«Есть непосредственные сообщения о серьезном недовольстве, о жесткой борьбе между сторонниками различных направлений борьбы, о растущей тенденции подчинять чисто военные проблемы чисто политическим. Левое крыло партийцев, огромное большинство ленинградского пролетариата, ежедневно укрепляет свою критическую позицию по отношению к политическим и военным органам Москвы, которых оно упрекает в том, что они при ведении войны не применили то, что экстремисты называют «коммунистической стратегией» [11, с. 120].

Учитывая, что книга писалась в 1941—1943 гг. и была напечатана в 1943 г., она представляет собой достоверное и беспристрастное свидетельство об исторических фактах и совсем не банальное переосмысление их значения. Кроме того, она не скрывает авторскую симпатию к советскому народу. Книга вышла в Италии в августе 1943 г. за несколько недель до выхода Италии из войны 8 сентября 1943 г. и в этом она была точно очень своевременная книга. В этой перспективе стоит перечитать предисловие автора и многочисленные описания Ленинграда, на который автор смотрит с разных передовых постов и о котором вспоминает на основе своего посещения города в 1929 г.

В издании 1943 г. предисловие, написанное в Хельсинки, напечатано под названием «Война и забастовка». В последующих изданиях писатель сильно переделал свое предисловие. Разумеется, первый вариант самый интересный, так как потом Малапарте писал с учетом исторического разрешения судеб второй мировой войны и поражения фашизма.

Малапарте-корреспондент точно не пропагандист, и когда его статьи стали появляться на страницах *Corriere della Sera*, они вызвали в публике удивление. Он сам отмечал:

«То, что я писал, было полной противоположностью всему тому, что писали и думали тогда в итальянской прессе о легкой и короткой войне против России» [12, с. 7].

Малапарте признавал, что итальянская военная цензура не вмешивалась и не трогала его корреспонденции, и что статьи передавали объективное представление о войне и для читателей других стран. Данное обстоятельство писатель так объяснял:

«Исходя из личного опыта касательно русских проблем, я всегда отказывался оценивать Советскую Россию с точки зрения, которую можно было называть “буржуазной”, т.е. по необходимости необъективной. “Объективность не является основным элементом буржуазного интеллекта”, писал я в 1930 г. в моем предисловии к книге Рене Фюлоп-Мюллера “Лицо большевизма”. И дальше я там говорил, что “самая надежная защита от опасности большевизма для буржуазного интеллекта должна была состоять в том, чтобы понять революционные феномены современной эпохи. Непонимание этих феноменов — это самый отчетливый знак декаданса буржуазии»» [12, с. 10].

Правильное понимание русской революции, по мнению Малапарте, должно отправиться от отрицания предрассудка, что большевистская революция — это «типический азиатский феномен». Отсюда и само название книги:

«Название этой книги, “Волга рождается в Европе”, как раз и хочет указать на этот жалкий ошибочный приговор. Уже в 1930 г. в предисловии уже упомянутой книги Фюлоп-Мюллера, я писал, что “лицо большевизма вовсе не имеет, как некоторые думают, азиатские черты. Это европейское лицо”. Правда состоит в том, что коммунизм представляет собой типично европейский феномен. За дорических колоннами пятилеток, за колоннами статистик Госплана, простирается не Азия, а другая Европа — “другая Европа”. В том же самом смысле, как Америка тоже является другой Европой. Стальной купол марксизма + ленинизма + сталинизма (гигантская динамо-машина СССР в уравнении Ленина: советская власть + электрификация = большевизм) — это не мавзолей Чингисхана, а — как раз в том смысле, который не нравится буржуа — другой Парфенон Европы. “Волга”, говорит Борис Пильняк, “впадает в Каспийское море”. Да, но ее исток не в Азии, она берет свое начало в Европе. Она европейская река. Темза, Сена, Тибр (и Потомак тоже) — ее притоки» [12, с. 11].

Рядом с такими чисто идеологическими рассуждениями книга Малапарте поражает многочисленными своими описаниями русской природы и Ленинграда, город, который, как уже сказано, Малапарте посетил в 1929 г. Вот суть драматического столкновения памяти о городе и виденного издалека его профиля:

«Как можно понять драму Ленинграда, которая является синтезом всей русской драмы, если не охватывать одним и тем же взглядом, одним и тем же ощущением не только дворцы, церкви, крепости, сады, памятники императорского города, но и строения из цемента, стекла и стали, фабрики, школы, больницы, рабочие кварталы, эти неподвижные, точные, холодные, исключаяющие строения, которые возникли на краю старого города и даже в сердце царской столицы?» [11, с. 171].

В книге возникает еще одно из центральных вопросов всего творчества Малапарте: вопрос о существовании Бога. Вот его размышление во время посещения советского кладбища:

«На железных стелах советских кладбищ могло бы быть написано не: “Здесь лежит...”, а: “Высшие трудовые достижения погребенных под этими холмами товарищей...” Не содержат ли эти советские могильные символы, возможно, что-то религиозное? Эта страсть к смерти, эта одержимость смертью (смесь из садизма и мазохизма, которая весьма свойственна русскому народу), которая характеризует так много аспектов советской жизни? Также недостаток религиозности, отчаяние, абсолютная темнота, возможно, они и есть темные знаки бессознательного религиозного чувства, именно потому что они обратная сторона веры? Эти советские солдаты, которые так просто умирают, которые принимают смерть с таким неосознанно жадным, прожорливым равнодушием, ничего не знают о какой-нибудь религиозной грамматике, о каком-нибудь метафизическом

синтаксисе. Они даже не знают, что существует евангелие. То, что они знают о Христе, они знают из картин в антирелигиозных документальных фильмах, детской иконографии антирелигиозных музеев, кощунственного фанатизма пропаганды безбожников. В одной московской церкви под распятием висит плакат с надписью: «Иисус Христос, мифическая личность, которая никогда не существовала». Ее цитирует также Андре Жид в своей книге «Возвращение из Советского Союза». Они знают, что они умрут, как умирает камень, как умирает кусок дерева. Как машина. Каким является или мог бы быть политический и социальный аспект этого состояния души, нелегко осознать или почувствовать. Слишком много элементов внутренней ситуации в России не доступны нашему пониманию, чтобы мы могли судить об этом. Но уже сейчас понятно, что этому народу не чуждо ничто человеческое, ничто нечеловеческое. Все в этой колоссальной трагедии ломает правила и границы вещей и человеческих фактов. Сегодня это уже народ, которого ненавидит Бог в себе самом, который ненавидит сам себя не только в подобном ему, но и в живых существах» [11, с. 168-169].

О существовании Бога и вообще о религии в СССР Малапарте писал уже в своих статьях 1929 г. и широко напишет еще в романе «Бал в Кремле», в частности в описаниях своих встреч с В.В.Маяковским, А.Луначарским, М.А.Булгаковым и Д.Бедным. Религиозная тема будет потом широко затронутой в «Бале в Кремле», в котором не трудно заметить некоторые тематические линии, которые Малапарте будет потом развивать в сценарии своего фильма *Cristo proibito* (Запрещенный Христос) [9, с. 36 и сл.; 13].⁷ Интересно также отметить, что в раннем произведении «Да здравствует Капоретто» Малапарте видел в массе русских солдат коллективный образ Христа. Теперь ситуация совсем иная (об этом Малапарте размышляет также в «Бале в Кремле», когда описывает советскую антирелигиозную кампанию под руководством Демьяна Бедного).

Именно в связи с Ленинградом стоит упомянуть театральный набросок Малапарте под названием *L'assedio di Leningrado* [Блокада Ленинграда], демонстрирующий восхищение его героическими защитниками.

В наброске, относящемся, скорее всего, к 1946 г. и который по проекту должен был состоять из трех действий (он был найден среди бумаг писателя уже после его смерти и был опубликован его сестрой лишь в 1995 г. [16]), описывается неожиданное пришествие в осажденный Ленинград незнакомца. Это молодой человек, высокий, блондин с рыжей бородой, одетый в рабочем комбинезоне. Его принимают жители Ленинграда Мария и Петр. Незнакомец приносит им камень и утверждает, что это хлеб. Петр ему не верит. Мария его пробует и после нее еще ребенок. Приходят люди. Все кричат. У него спрашивают, откуда у него хлеб, где же он его воровал. Незнакомец отвечает, что хлеб он не воровал, а видел его во сне. Дальше незнакомец утверждает, что его имя Иван Добре и что он из Остравы и что он работает на кировском заводе. Неожиданно другая женщина, Марфа, кричит: «Я знаю, кто ты! Ты Иисус Христос!». Отрывок прекращается высказыванием Марфы: «Я знал, что ты когда-нибудь вернешься!».

Перед нами начало драматического действия, которое, очевидно, должно было осуществиться в идее о втором пришествии Христа после эпох революций и мировых войн. В этой перспективе в осажденном Ленинграде Малапарте воображает чудотворное возвращение Спасителя, который превращает камни в хлеб.

Как мы видим, русская тема (в этой связи заслуживает внимания уже затронутый критикой вопрос о влиянии Достоевского на Малапарте) и прямое ознакомление писателя с русско-советской действительностью сыграли значительную роль в его переосмыслении важных философских тем его позднего творчества. Мы тут не будем обсуждать дальнейшее развитие его литературного творчества, от самого романа «Бал в Кремле» до последней мемуарной книги о России и Китае, относящейся к его последнему посещению СССР, но творческий путь Малапарте уже проложен в книге «Волга рождается в Европе» и в других текстах сороковых годов.

1. Blok A. *Canti bolscevichi*, Milano, R.Quintieri, 1920. 67 p.
2. Blok A. *Poesia ed arte bolscevica: Gli Sciti*. Dodici, trad. G.Bomstein e T.Interlandi, Pistoia, 1920. 125 p.
3. Deotto P. *L'immagine della Russia degli anni Venti e Trenta nei reportages di alcuni scrittori italiani* // ACME: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano. 1989. Vol. XLII. Fascicolo 1, Gennaio-Aprile. P. 9-36.
4. Stagnitti B. «Una rivista d'autore: "900" di Massimo Bontempelli» // Studi Grigionitaliani. 2005. Band 74. Heft 3. P. 273-282. <http://doi.org/10.5169/seals-56547>.
5. Эренбург И. Условные страдания завсегда кафе. М., 1926. 158 с.
6. Veroli P. *Dancing Fascism. Bodies, Practices, Representations* // Discourses in Dance. 2006. Vol. 3. Iss. 2. P. 45-70.
7. Ruocco D. *Tatiana Pavlova Diva Intelligente*. Roma: Bulzoni Editore, 2000. 280 p.
8. Winner Percy. *Dario 1925—1945: A Fictitious Reminiscence*. New York, 1947. 175 p.
9. Giacobbe Carla Maria. Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Università degli Studi di Milano, Facoltà di Studi Umanistici, Milano, a.a. 2016/2017.
10. Малапарте К. Капут. М., 2015. 439 с.
11. Малапарте К. Волга рождается в Европе. М., 2013. 525 с.
12. Malaparte C. *Il Volga nasce in Europa*. Milano, 1943. 317 p.
13. Одесский М.А. Советский роман Малапарте // Малапарте К. Бал в Кремле, М., 2019. С. 49-54.
14. Рогозовская Т. После «Бала в Кремле» (Булгаков и Малапарте) // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова. СПб., 2011. С. 284-302.
15. Garzonio S. *Malaparte e la letteratura russa. Dem'jan Bednyj il "Senzadio"*, Roma e il Vaticano // Roma e il Mondo. Scritti in onore di Rita Giuliani. Roma, 2019. P. 583-599.
16. Malaparte C. *L'assedio di Leningrado*. In: Malaparte Curzio. Opere. Vol. X. Città di Castello, 1994—1996. P. 190-192.

⁷ См. также [14]. О Малапарте и Д.Бедном см. [15].

References

1. Blok A. Canti bolscevichi, Milano, R.Quintieri, 1920. 67 p.
2. Blok A. Poesia ed arte bolscevica: Gli Sciti. Dodici, trad. G.Bomstein e T.Interlandi, Pistoia, 1920. 125 p.
3. Deotto P. L'immagine della Russia degli anni Venti e Trenta nei reportages di alcuni scrittori italiani. ACME: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano, 1989, Vol. XLII, Fascicolo 1, Gennaio-Aprile, pp. 9-36.
4. Stagnitti B. "Una rivista d'autore: "900" di Massimo Bontempelli". Studi Grigionitaliani, 2005, Band 74, Heft 3, pp. 273-282. <http://doi.org/10.5169/seals-56547>
5. Erenburg I. Uslovnye stradanija zavsegdataya kafe [Conventional sufferings of café's habitué]. Moscow, 1926. 158 p.
6. Veroli P. Dancing Fascism. Bodies, Practices, Representations. Discourses in Dance, 2006, vol. 3, iss. 2, pp. 45-70.
7. Ruocco D. Tatiana Pavlova Diva Intelligente. Roma: Bulzoni Editore, 2000. 280 p.
8. Winner Percy. Dario 1925—1945: A Fictious Reminiscence. New York, 1947. 175 p.
9. Giacobbe Carla Maria. Kurt Erich Suckert e la Russia. Nuove prospettive di studi malapartiani. Università degli Studi di Milano, Facoltà di Studi Umanistici, Milano, a.a. 2016/2017.
10. Malaparte K. Kaput. Moscow, 2015. 439 p.
11. Malaparte K. Volga Rises in Europe. Birlinn, 2008. 282 p. (Rus.edition. Malaparte K.Volga rozhdaetsya v Evrope. Moscow, 2013. 525 p.).
12. Malaparte C. Il Volga nasce in Europa. Milano, 1943. 317 p.
13. Odesskiy M.A. Sovetskiy roman Malaparte. In: Malaparte K. Bal v Kremle [Soviet novel by Malaparte. In: Malaparte K. Ball in the Kremlin]. Moscow, 2019, pp. 49-54.
14. Rogozovskaya T. Posle "Bala v Kremle" (Bulgakov i Malaparte) [After the "Ball in the Kremlin" (Bulgakov and Malaparte)]. Rabota i sluzhba: Sbornik pamyati Rashita Yangirova. St Petersburg, 2011, pp. 284-302.
15. Garzonio S. Malaparte e la letteratura russa. Dem'jan Bednyj il "Senzadio", Roma e il Vaticano. Roma e il Mondo. Scritti in onore di Rita Giuliani. Roma, 2019, pp. 583-599.
16. Malaparte C. L'assedio di Leningrado. In: Malaparte Curzio. Opere, vol. X. Città di Castello, 1994—1996, pp. 190-192.

Garzonio Stefano. Curzio Malaparte as a war correspondent at the besieged Leningrad. In the present article, the author studies the work of the famous Italian writer Curzio Malaparte (1898—1957) and, in particular, his reportages as a war correspondent on the Eastern front during the Second World War. On the basis of his book "The Volga rises in Europe" and other writings, the article reveals the special point of view of the writer on the USSR, the Soviet people and the Soviet soldier on the background of the tragic days of the besieged Leningrad.

Keywords: Russian-Italian Cultural Relationships, War Literature, Italian Literature.

Сведения об авторе. Стефано Гардзонио — Пизанский Университет (Италия); stefano.garzonio@unipi.it.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.